

В.Д. Зимина

НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Писать о Гражданской войне сложно, и это вне зависимости от утвердившихся в современной науке методологических подходов к ее осмыслению. Трудно дать однозначные ответы, почему после октября 1917 г. русское общество стало разделяться на красных и белых или революционеров и контрреволюционеров; почему без Гражданской войны невозможно было построить общества социального равенства и справедливости; и, наконец, почему брат шел против брата, а сын против отца с оружием в руках. Перечень подобного рода вопросов можно было бы расширять до бесконечности. В качестве же ответа может послужить широко известная до сих пор в эмигрантских кругах притча-быль о том, как летом 1919 г. битая по восемь раз и красными, и белыми старая донская казачка на вопрос деникинского офицера «Какая власть лучше?» предложила ему выбрать «лучшую половинку коровьей лепешки», перееханной колесом повозки...

И тем не менее история Гражданской войны при всей противоречивости ее социокультурного осмысления продолжает быть изучаемой, вовлекая в исследовательский процесс новых авторов, которые пытаются «открыть Америку» либо там, где она уже открыта, либо обозначить ее новые координаты. Процесс этот бесконечен. Каждое новое поколение исследователей с учетом своих социокультурных ценностей будет либо критиковать своих предшественников, либо неустанно подчеркивать их достижения. Проблема же социокультурной ориентации индивида в условиях глубокого социокультурного раскола начала XX в. при всей серьезности и масштабности исследований политико-

правовых, социально-экономических и прочих параметров российской государственности будет оставаться востребованной.

Современный этап модернизационного обновления российской государственности сопряжен с трансформационными изменениями политической системы, размах которых сравним разве что с революцией 1917 г. в России. По существу своему, все – и крупномасштабные, и мелкие – вооруженные столкновения, с одной стороны, определявшие характер и содержание событий и процессов в России в тот период, но с другой – далеко не исчерпывавшие их, выступали в качестве радикального средства разрешения глубинных противоречий, которые были связаны с выбором пути дальнейшего развития страны.

И сегодня угроза возможной гражданской войны выступает в качестве устрашающего начала против всех антидемократических действий. Неизбежный феномен авторитарного рефлекса реализуется в возрождении ранее, казалось бы, устраненных из нравственного и политического оборота ценностей, а также в готовности масс положиться на политических лидеров¹.

В то же время, как и в начале прошлого века, расстановка социальных сил в современном политическом мире России отличается крайней мозаичностью, а ее отражение на политико-общественном уровне иногда сильно видоизменяет или даже «окарикатурирует» оригинал. Но, что еще более важно, глубина модернизационных обновлений снова совсем не гарантирует плодотворного разрешения всех противоречий политической системы и не ведет автоматически к смене изживших себя политических отношений, политических норм и принципов, а также политического сознания и политической культуры. Основу же всех политических и научных дискуссий

относительно путей и перспектив развития современного российского общества вновь составляет все тот же «проклятый» вопрос об особом пути России, о приемлемости для нее западных образцов демократизации или же их отрицании².

Принципиально важным в плане исследования проблем демократического обновления российской государственности является ретроспективный подход. Необходимо определить место нынешнего этапа российской действительности в ее многовековой истории, понять логику многочисленных реформ и контрреформ, революций и контрреволюций, крупных социальных катаклизмов, к каковым без всякого колебания можно отнести Гражданскую войну 1917–1920 гг.

В контексте сказанного изучение истории Гражданской войны связано с:

- выяснением соотношения экономики и политики, в частности, допустимой меры социальных издержек экономических реформ;

- определением эволюции общественной психологии, сдвигов в сознании граждан, включая сюда появление «кризисного сознания», парализующего активность социума или отдельных его составляющих;

- выявлением противоречий между тенденциями к интернационализации жизни общества и дезинтеграционными факторами, в число которых входят и националистические;

- анализом массовых движений, роль которых в переломные периоды истории возрастает как никогда.

Вследствие этого поиск восстановления исторической преемственности может принимать чрезвычайно причудливые формы, как, например, распространение монархизма в качестве одного из современных идеологических течений, сторонники которого предпочитают все же не делать практических

политических выводов, вытекающих из декларируемых ими взглядов. В угоду политической конъюнктуре предпринимаются также попытки объединить «героев Белого дела» и бывших «строителей коммунизма» на основе обусловленных общностью имперского мышления их ностальгических заявлений по поводу утраты сильного патерналистского государства и сложностей его реанимации.

Все это лишний раз доказывает, что, по существу, весь XX в. для России был ознаменован конфликтом между либерализмом и авторитаризмом – конфликтом, ожесточенные формы которого связаны с грандиозными и драматическими социальными сдвигами, освобождавшими огромный запас социальной энергии³. Законы же, как известно, в условиях трансформирующегося общества далеко не всегда отражают быстро меняющуюся реальность политических отношений и зачастую используются в качестве инструмента борьбы между различными группировками политических элит. При этом для России с ее персонификацией политики и самой системы государственного управления всегда была характерна тенденция перенесения классовой и политической дихотомий на все сферы жизни. Поэтому нигилизм в отношении властей перманентно уживается со стремлением войти во власть, а непризнание авторитетов – с желанием самим приобщиться к высшему авторитету. Постоянные метания в этих антиномиях, проистекающих из тотальности «коллективного сознания» и совмещения властно-собственнических функций в одном лице, сопровождаются обязательностью прославления народа⁴.

В современных условиях перехода от тоталитарного государства с развитой авторитарной системой управления к гражданскому обществу, правовому государству с развитыми и легитимными

демократическими институтами власти также продолжают находить отражение вековые традиции российской государственности как определенного состояния общества, закладывавшиеся в ходе объективно-исторического процесса становления и развития организованной и централизованной власти, каковой выступало государство⁵.

Дискуссии по этому поводу, впрочем, как и вокруг понятий «государство» и «государственность», не иссякают, возрождая и славянофильские доводы в пользу глубокого своеобразия русского исторического процесса, и миллюковские суждения о непрочности государственной надстройки в форме деспотизма из-за слабости социального расслоения русского общества, а также предлагая квазиновые либеральные интерпретации в духе синтеза идей Гегеля–Маркса–Вебера о том, что в ходе эволюционного развития российской государственности так и не сформировалось «государство-бюрократия» в чистом виде⁶.

Между тем высокая степень централизации всей системы государственно-административного устройства и государственного управления, гипертрофированная миссия первого лица в государстве, всепоглощающая роль самого государства, а также отсутствие четкого разделения между политической и административной элитами вряд ли могут быть опровергнуты, особенно если брать во внимание достаточно высокую степень политизированности сегодняшних научных споров.

Революционные события 1917 г. показали, что, при всей необъятности территории и при всех звонких речах об имперской мощи, российское государство было слабым, искусственным образованием, целостность которого обеспечивали не естественные связи правителя с его подданными, а механические скрепы, накладываемые чиновничеством, полицией и армией. По этой причине

революцию 1917 г. следует рассматривать в рамках имперского кризиса как «последовательность разрушительных и насильственных действий, совершавшихся более или менее одновременно, но вовлекавших исполнителей с различными и даже противоположными целями»⁷. Все это сопровождалось «политическим психозом» российского общества, посредством которого осуществлялись «единство и борьба» революции и контрреволюции⁸.

Подобный ракурс не нов для исследователей российской революции, особенно тех, кто изучает ее через анализ социальной поляризации российского общества, отказываясь при этом оценивать ее и как закономерный результат накаленной до предела классовой борьбы, и как случайность, допустимую в цепи чрезвычайных событий, и тем более как порождение идейных исканий ее представителей⁹.

Другое дело, как социокультурный подход корреспондируется с вопросом об альтернативности развития России после октября 1917 г., который решается в историографии далеко не однозначно. Продолжающейся идеализации Белого движения противостоят рассуждения о «псевдоисторических иллюзиях» насчет «конструктивной альтернативы коммунистическому режиму», возникших якобы «под впечатлением ужасов красного террора» и базирующихся на выводах о соответствии противобольшевистской политики «историческому» духу имперского патернализма. Между тем и в том, и в другом случаях доминирует анализ не собственно политической и социально-экономической платформ Белого движения, а раздор мировоззренческих установок либо его лидеров, либо интеллигенции и офицерства, представлявших партийно-государственную верхушку российского общества¹⁰.

В связи с этим по-прежнему остается актуальным замечание известного отечественного исследователя В.И. Миллера о необходимости отказаться от «давней традиции - не отделять результаты революции от результатов Гражданской войны»¹¹, что само по себе вовсе не означает игнорирования интегративного единства революции и Гражданской войны в России. Только подобное сочетание позволит вскрыть связь между формированием однопартийной системы и острой политической ситуацией, сопутствовавшей Гражданской войне, или, иными словами, пройти путь от обобщения фактов к пониманию сущности через разделяющее их логическое опосредование.

Не менее важными становятся и уточнения в категориальном аппарате. Понятия «революция» и «гражданская война» трудно отнести к разряду точных определений с четко очерченным и исчерпывающе конкретным содержанием. «Коэффициент приближенности», введенный в научный оборот исследователем Е.Б. Черняком¹² для обозначения уровня абстракции, сопряжен со сложностью протекавших в 1917–1920 гг. событий и явлений. По этой причине он не может быть адекватно отражен в точных терминах, особенно если учитывать, что, обозначая один и тот же предмет, в толковании историков он может получить различное содержание.

Если российскую революцию 1917 г. воспринимать как выражение имперского кризиса страны, вызванного напряжением модернизации и переходом от традиционного общества к либеральному, как насильственную ломку и реконструкцию всей политической власти и общественных отношений, то Гражданскую войну следует рассматривать в качестве признака перехода от одной фазы революционного разрушения к другой, более радикальной, когда борьба за

выбор судьбы страны переходит в плоскость военно-политического противоборства вновь возникших политических режимов, каждый из которых предлагает свой вариант возрождения российской государственности¹³.

Изучение Гражданской войны через призму развития российской государственности порождает немало вопросов, связанных с развитием понятий «государство» и «правительство», сводимых нередко и самими участниками политических событий 1917–1920 гг. к набору политических институтов, от которых зависели поддержание порядка и готовность применить силу. Увлечение отечественных и зарубежных историков «инструментальными» концепциями государства, о котором немало было написано американским исследователем У. Розенбергом¹⁴, страдает односторонним пониманием происходившего в России после октября 1917 г., а главное – провоцирует сознательное изучение государственных процессов не только в отрыве от социальных, но и в противопоставлении их друг другу.

Кроме того, это остро ставит вопрос о легальности и легитимности как красной, так и белых властей, то есть их юридической обоснованности, с одной стороны, и справедливости, признании, поддержке их населением – с другой. Основа легитимности красных и белых модернизаторов лежала внутри самой их власти. От их способности обеспечить стабильное функционирование политических и социальных институтов и убедить население в том, что эти институты в наибольшей степени соответствуют состоянию общества и интересам народа, зависела эффективность политики действующего режима.

В то же время все политические режимы периода Гражданской войны отражали переход от легитимности власти традиционного типа, характерной для дореволюционной России, к рационально-легальному

типу с неизбежным присутствием харизматических элементов. Этим отчасти и объясняется сложность и противоречивость характера взаимозависимости между облеченными властью и подчиненными ей, особенно если учитывать и свойственное переходным и кризисным периодам опережение потребности демократического действия процесса создания его законодательной базы.

История и практика функционирования политических режимов дают возможность говорить о преобладании традиционного для России идеократического типа политических изменений. Структурная перестройка политической системы как неизбежное следствие развития революции 1917 г., недостаток легитимности новых политических институтов и механизмов компенсировались пропагандой принципов соборности, всеединства, имея своим социокультурным основанием общинный этносоциальный архетип россиян.

В качестве движущей силы государственного строительства выступала не институциональная равнодействующая, а идеологизированная идея: у красных – «мировая революция», у белых – «Великая и Единая Россия», преподносимые как национальный консенсус в отношении общей стратегической линии развития России. Однако интеграционная идеология, как известно, немыслима без первоначального согласия всех участников политического процесса быть разными и по-разному понимать проблематику указанных ориентиров и целей. В этом смысле такая идеология не может претендовать на статус общенациональной, возвышающейся над частными интересами.

Технократизация политического процесса не могла не сопровождаться элементами диктаторского, а также патерналистского лидерства. В последнем случае и красные, и белые вожди оказывались не просто включенными в государственную иерархию, но даже

пытались добиться выполнения своих решений эксплуатацией собственного авторитета, переносимого в массовое сознание как гарант выполнения принимаемых решений. Имели место и случаи «выключенности» лидера из политического процесса и приобретения им метаполитического статуса.

Реальная же политическая жизнь проявлялась в самой непредсказуемой комбинации ее стилей. С учетом исторических традиций российской государственности, а также задач выведения России из политического хаоса выкристаллизовывалась идея «национальной диктатуры», а именно как власти единоличного диктатора, делающего «ставку на духовную силу и на качество спасаемого им народа». В создании сильной власти как «общественно выделенной и организованной силы» виделось средство укрепления российской государственности.

В историографии трудно найти проблему, которая столь бы зависела от политической конъюнктуры, как история российской революции 1917 г. и Гражданской войны, и которая при постоянстве активного изучения оставалась до сих пор чуть ли не «белым научным пятном». Во всех сложившихся моделях российского революционного процесса (либеральной, консервативной, марксистской, социокультурной) синтезированный «образ» Гражданской войны балансирует между «буржуазной фальсификацией» и «революционной агитацией», заложенными еще в первых работах эмигрантских и марксистских историков 1920-х гг., которых, несмотря на разные классовые подходы, объединяло единство концептуального толкования закономерной взаимообусловленности революционных и контрреволюционных начал в Гражданской войне. И если белый теоретик российской контрреволюции Н.Н. Головин считал, что обилие марксистских исследований создавало целый «ряд ходячих мнений, которые хотя и не

имеют ничего общего с наукой, тем не менее затемняют приближение к истине», то его оппонент из числа «бывших военных специалистов» Н.Е. Какурин, чей труд более полувека пролежал на полках спецхрана из-за предпринятого автором политико-социального анализа революции и контрреволюции с широким использованием мемуаров идейных противников большевизма, напротив, был убежден в том, что «сохранить правильность оценки всего многообразия явлений Гражданской войны» можно только опираясь на «теорию великих вождей пролетариата»¹⁵.

С таких позиций Гражданская война, однозначно понимаемая как борьба революции против контрреволюции, изучалась советскими историками до середины 1980-х гг. с упором на военный аспект этой проблемы в рамках обобщения опыта защиты революционных завоеваний с помощью вооруженных сил.

Между тем и Российское зарубежье активно обсуждало эту проблему, хотя зачастую в ностальгической тональности и с акцентом на военно-патриотическую тематику¹⁶.

В начале 1960-х гг., например, со страниц официоза общекадетского объединения в Париже «Вестник» звучали аргументы в пользу написания истории Гражданской войны «в белом освещении». Книжка эта, примерно в сотню страниц, по мысли Н. Пушкаревского, имевшего многолетний учительский стаж работы с зарубежной молодежью, должна была бы охватить период с 15 ноября 1917 г. до конца 1920 г., подробно освещая белую борьбу на всех фронтах Гражданской войны. В авторский коллектив предлагалось включить участников Белого движения, как «единственно способных доказать, что жертвы многих тысяч павших носителей белой идеи оказались не бесполезными в

борьбе против мировой угрозы большевизма». В качестве «последнего и самого важного акта во имя России» предусматривалось и написание истории российской эмиграции, логически выводимой из первой темы¹⁷.

Однако замыслы эти пока не реализованы, впрочем, как и в отечественной историографии, переживающей сложный период концептуального переосмысления всего исторического пути России. Он сопряжен как с полным (либо, в лучшем случае, с частичным) отрицанием всех имеющихся «классовых» знаний по истории Гражданской войны в целом, так и с признанием ее в качестве национально-трагического события с последующим разведением на цивилизационные либо социокультурные ценности, что само по себе чревато не менее серьезными деформационными последствиями. Сбрасывается со счетов вопрос об остром идеологическом противостоянии воевавших политических сил, не всегда четко поддававшихся классификации по «социальному, классовому и партийному признакам». Поэтому апологетика социалистической революции нередко соседствует с критикой большевизма, но не самой революционно-социалистической идеологии. А негативные оценки последствий революции 1917 г. для исторического развития России все еще продолжают сменяться версиями о «масонском заговоре» узкой группы людей ради собственных корпоративных интересов¹⁸.

Многообразие, а следовательно – неоднозначность и антиномичность, появившихся оценочных характеристик российской революции и в особенности Гражданской войны сопровождаются эпизодичностью повествования, преобладанием фактического материала главным образом биографического характера, идеализацией Белого движения, искусственным изолированием его по регионам, неотработанностью

понятийного инструментария, ограничивающего научную полемику рамками отдельных факторов и даже фактов¹⁹.

По существу, современная отечественная историография, как, впрочем, и зарубежная, находятся лишь у истоков изучения истории Гражданской войны, в том числе и ее государственно-правовых форм, хотя научных и публицистических работ в последнее время появилось немало²⁰.

На фоне актуализации всестороннего изучения истории Гражданской войны, затрагивающего все спектры государственной и общественной жизни России в 1917 – 1920 гг., задачей назревшей и крайне важной представляется осмысление этого феномена как столкновения либеральных, демократических и авторитарных тенденций в развитии российской государственности, переросшего в противостояние политических режимов и получившего в них свое дальнейшее развитие. Поэтому и большевизм, и Белое движение важно представлять не как некую «революционную» или «контрреволюционную абстракцию», а исследовать процесс их трансформации в политические режимы со всеми присущими им социально-экономическими и социально-психологическими показателями, определявшимися общим уровнем развития российской государственности в начале XX в. и особенно в период с февраля по октябрь 1917 г.

Позитивным представляется наметившееся в последнее время сближение по многим параметрам изучения Гражданской войны между представителями отечественной, эмигрантской и зарубежной науки, хотя каждой из сторон присущ свой собственный подход, не лишенный многовариантности. Однако единая концепция вряд ли возможна, и не только по причине влияния политической конъюнктуры на процесс исторического исследования.

Являясь объектом исследования, Гражданская война как структурированное целое может рассматриваться только в ее динамике и самодвижении, определяемыми взаимодействием традиций и инноваций в государственной, политической, социально-экономической, культурной и нравственно-ментальной плоскостях российской государственности в ее переломные этапы развития. В то же время уже имеющийся уровень научных разработок дает немалые возможности для достаточно корректного анализа истории Гражданской войны в контексте изучения эволюции российской государственности.

Научные результаты суммируются в понимание революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны как проявлений традиционалистского вызова, возникшего на почве распада целостности массового мифологизированного сознания с его архаичным инстинктом неприятия власти как института и социальным рефлексом неотделимости власти от собственности. Гражданская война была следствием разрушения Российской империи, лишенной в критических ситуациях массовой поддержки именно как государство. Конфликт между идеализированными государственными представлениями и реальным государством не мог быть разрешен без катастрофических размеров социальных потрясений²¹.

Поэтому Гражданская война должна была превратиться в борьбу идейно-политических течений, которые предлагали различные формы грядущего социального порядка. Закономерная неустойчивость политической системы объяснялась скоротечным перебором различных вариантов ее развития, реанимация которых предпринималась впоследствии неоднократно.

Последнее очень четко прослеживается в материалах данного сборника, который представляет

собой комплексное описание состояния дел в современном изучении истории Гражданской войны.

Примечания

¹ *Ватлин А.Ю.* Сопротивление диктатуре как научная проблема: германский опыт и российская перспектива // Вопросы истории. 2000. № 11-12. С. 20–37; *Инглхарт Р.* Постмодернизм: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 5. С. 6–32.

² *Ильин М.В.* Развитие России: от мечтаний к политическому расчету // Полития. 2000. № 1. С. 5–11; *Люкс Л.* Возвращение истории? Россия в поисках преемственности // Актуальные проблемы Европы. Вып. 2. Политическая культура и власть в западных демократиях и в России. М., 1997. С. 194; *Кара-Мурза А.А.* Как возможна Россия? М., 1999.

³ *Поляков Л.В.* Методология исследования российской модернизации // Полис. 1997. № 3. С. 15; *Пелипенко А.А.* Методология анализа и проблемы российской государственности // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 104–110.

⁴ *Гаджиев К.* Антиномии между авторитаризмом и демократией в политической культуре России // Актуальные проблемы Европы. Вып. 2. Политическая культура и власть в западных демократиях и в России. М., 1997. С. 120; *Ерасов Б.С.* Феномен «восточного деспотизма» как явление «нового мышления» // Восток. 2000. № 4. С. 5–17.

⁵ *Кантор В.* Российское «сегодня» в историческом контексте // Открытая политика. 2000. № 3-4. С. 20–26; Методология анализа политической традиции в России: «круглый стол» ученых // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 49–60.

⁶ *Миллюков П.Н.* Очерки истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 37–39; *Пастухов В.Б.* От государственности к государству: Европа и Россия // Полис. 1994. № 2. С. 25.

⁷ *Пайнс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 578–579.

⁸ *Булдаков В.П.* Имперство и российская революционность (Критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 3. С. 30.

⁹ *Эктон Э.* Новый взгляд на русскую революцию // Отечественная история. 1997. № 5. С. 68–69, 78.

-
- ¹⁰ Гражданская война в России: «Круглый стол» // Отечественная история. 1993. № 3. С. 112.
- ¹¹ *Миллер В.И.* Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 5. С. 24–25.
- ¹² *Черняк Е.Б.* История и логика (структура исторических категорий) // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 30.
- ¹³ *Зими́на В.Д.* Гражданская война 1918 – 1920 гг. как политический конфликт в развитии российской государственности // Новый исторический вестник. 2004. № 2(11). С. 214–232.
- ¹⁴ *Розенберг У.* Формирование новой российской государственности // Отечественная история. 1994. № 1. С. 3–16.
- ¹⁵ *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч. 1, кн. 1. Париж, 1927. С. 9; *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Т. 1. М., 1990. С. 19.
- ¹⁶ *Зими́на В.Д.* Интеллигенция Российского зарубежья 1920 – 30-х гг.: новые споры о старом // Новый исторический вестник. 2001. № 1(3). С. 62–72.
- ¹⁷ *Пушкаревский Н.* Раскрыть белую идею русской молодежи // Вестник (Париж). 1962. 1 янв.; *Малло Е.* Эмиграция // Вестник (Париж). 1961. 1 июня.
- ¹⁸ *Кулешов С.В.* Размышления о революции // Отечественная история. 1996. № 5. С. 110; *Аграшенков А.В.* Идеология и общественное сознание в Гражданской войне на северо-западе России: проблемы взаимосвязи. СПб., 1994. С. 3–4.
- ¹⁹ *Бутаков Я.А.* Белое движение на юге России: Концепции и практика государственного строительства (конец 1917 – начало 1920 г.). М., 2000; *Езеев А.* Два цвета ненависти: Идеологическая символика красного и белого // Родина. 2000. № 5. С. 44–45; *Цветков В.Ж.* Белое движение в России, 1917 – 1922 годы // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 56–73.
- ²⁰ *Кара-Мурза С.Г.* Гражданская война (1918 – 1921) – урок для XXI века. М., 2003.
- ²¹ *Зими́на В.Д.* Гражданская война 1918 – 1920 гг. как политический конфликт в развитии российской государственности // Новый исторический вестник. 2004. № 2(11). С. 214–232.